

УДК 94 (470. 4) "18"

КАДРОВЫЙ КОНТРОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ НАД РЕГИОНАЛЬНЫМ ЧИНОВНИЧЕСТВОМ: ПРАКТИКИ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ 1826–1861 ГГ.

А. Н. Бикташева

НИУ Высшая школа экономики, Москва
E-mail: biktashi@mail.ru

Статья посвящена изучению механизма властного саморегулирования в Российской империи 1826–1861 годов. Объектом изучения является информационный потенциал материалов жандармского делопроизводства. Его анализ позволил проследить участие жандармских штаб-офицеров в кадровых перестановках губернского чиновничества.

Ключевые слова: Российская империя, жандармерия, кадровая политика.

**Secret Police Control over Regional Bureaucracy:
the Practices of Kazan Province 1826–1861 ss.**

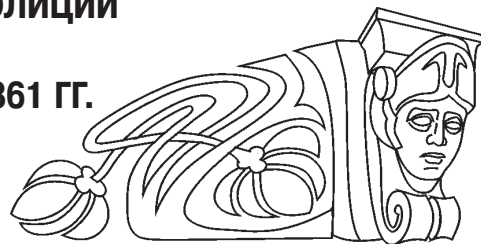
A. N. Biktasheva

Article examines the powerful mechanism of self-regulation in the Russian Empire 1826–1861-s. The object of study is the information potential materials gendarmierie correspondence. His analysis allowed us to trace part of the gendarmierie headquarters staff officers of the problem of the provincial bureaucracy.

Key words: Russian Empire, gendarmierie, public opinion.

Проблемы построения вертикали власти в условиях дискретного политического пространства, организации эффективного управления отдаленными от центра регионами актуальны для России до сих пор. Они напрямую связаны с вопросами оптимизации административного аппарата, рационализации его функций. Однако у нас пока нет аналитического обобщения опыта губернского управления в Российской империи, и особенно ощущается дефицит знания о механизмах самоорганизации государственного строительства. В этой связи использование информационных возможностей делопроизводственных материалов органов административного надзора способствовало бы изменению сложившейся ситуации.

Идея создания «наблюдательной полиции» заключалась в выведении российской жандармерии из системы МВД, что позволило бы давать «бесстрастные» оценки и незаинтересованные суждения об эффективности органов государственного управления. Подчиняясь лично императору, политическая полиция находилась за пределами правительственного и ведомственного давления. С момента создания III Отделения¹ политическая полиция начала осуществлять стационарную экспертизу состояния власти и в столицах, и на местах. Усиление её полити-

ческого влияния, растущая компетентность и информированность способствовали тому, что кадровые вопросы также вошли в ее полномочия. В III Отделение стекались сведения практически на каждого российского чиновника. При назначении на должности мнение шефа жандармов становилось решающим. Но произошло это не сразу.

Приступая к своим обязанностям, каждый жандармский офицер составлял обзор губернии. В нем обобщалась информация о предыдущих событиях административной жизни, прописывались существующие проблемы. Тексты этих донесений представляли развернутую интерпретацию мнений жителей губернии о местной власти и своих властителях. Можно выделить целую коллекцию таких обзоров за период с 1826 по начало 1830-х годов. Вот только часть из них: записка «о состоянии Казанской губернии за 1826–1832 гг.»², донесение подполковника Маслова об управлении Симбирской губернии с 1827–1834 гг.³, донесение генерал-майора Балабина о состоянии управления в Астраханской губернии за 1827 г.⁴, донесение того же чиновника из Вологды⁵, сведения генерал-майора Волкова о событиях по Московской губернии⁶, донесение подполковника Янова о состоянии управления Курской губернии за 1827 год⁷. Подобные обзоры, донесения и сводки с мест в основной своей массе направлялись на рассмотрение в I экспедицию III Отделения СЕИВК. Сюда стекалась многообразная информация со всех уголков Российской империи. За этой экспедицией (их было четыре) закрепился общий контроль и наблюдение над деятельностью местных правительственных органов власти. Здесь оседали сообщения об административных злоупотреблениях, нарушениях при дворянских выборах, обо всех происшествиях, представляющих интерес для политической полиции. Подаваемая информация на имя шефа корпуса жандармов в виде записок, рапортов, донесений и обзоров систематизировалась аналитиками экспедиции для дальнейшего представления «к сведенью» министров.

Итак, основными поставщиками информации из губернских городов для официального Петербурга стали жандармские штаб-офицеры, высвечивающие локальные ситуации в специальных донесениях. Коммуникативное простран-

ство империи стало наполняться их тайными сводками, которые стекались в единый «наблюдательный» центр, находящийся под личной опекой императора. Иными словами, функцию обратной связи с обществом начали выполнять не доносы местных чиновников или предводителей дворянства, а сводки жандармских штаб-офицеров. Это был негласный постоянный надзор над местной властью и губернским обществом⁸.

В 1826–1830-х гг. шла притирка нового ведомства к другим институтам власти, вырабатывались приемы межличностных отношений штаб-офицеров с начальниками губерний и министерствами. Это был период апробации нового механизма негласного надзора. Содержащийся в донесениях жандармских штаб-офицеров информационный калейдоскоп о событиях на местах представляет возможность реконструировать цельные сюжеты об управленческой практике, составе чиновников, о персонах отдельных губернаторов, пополнить сведения о подробностях их увольнения. К началу 1830-х гг. верховная власть приступила к реализации преобразовательной программы в области местного управления. Толчком этой преобразовательной деятельности стали решения секретного комитета 6 декабря 1826 года. В частности, произошла отмена генерал-губернаторской модели управления во внутренних губерниях с восстановлением в них должности военного губернатора. Произошли изменения и во внутриведомственных отношениях политической полиции с министерством внутренних дел.

В 1832 г. был смещен с занимаемой должности министр внутренних дел А. А. Закревский. В отчете III Отделения за 1829 г. ему была дана нелицеприятная характеристика⁹. Нежелание министра сотрудничать с губернскими штаб-офицерами, вероятно, имело под собой основание. Он не хотел допускать представителей секретных служб в сферу своих компетенций. Не желал делить с ними власть. Череда межличностных конфликтов сделали свое дело. Сначала было долгое разбирательство по делу вятского губернатора с участием жандармского подполковника Бека¹⁰. Затем затянувшееся расследование казанских событий начала 1830-х гг. с участием жандармского подполковника Маслова¹¹. Закревский обвинил последнего в ложном доносе на предводителя нижегородского дворянства Ульянинова. Начальству Маслов доложил, чем это было вызвано, – «в угодность некоторым из окружающих особу Его Сиятельства»¹². Выявленные жандармом подробности навлекли «недоброжелательство министра». В этой неравной схватке Маслова спасло только личное знакомство с императором. В декабре 1831 г. документы по этому делу были переданы на рассмотрение в Сенат. Через год военный казанский губернатор Степан Степанович Стрекалов решился секретно (через земского судью)

все же перепроверить сведения Ульянинова. На сей раз они не подтвердились... Тогда же произошло увольнение А. А. Закревского. Безусловно, что за всей этой институциональной «дуэлью» стояло растущее влияние А. Х. Бенкендорфа и его ведомства.

Кадровое вмешательство российской жандармерии как способ усовершенствования губернского управления постепенно становится очевидным и действенным средством «наблюдательного» присутствия носителей голубых мундиров. Проследить реалии этой компетенции жандармских офицеров можно, обратившись к сюжетам кадровых решений в пределах одной или нескольких губерний. К примеру, вот что писал все тот же Маслов о казанском губернаторе генерал-майоре А. К. Пирхе: «...осмелюсь уведомить, что должное уважения г. губернатор не имеет. Я не смел бы положиться на слухи, для столь уважительного лица в губернии, но сам всемоу очевидец, образу жизни Его Превосходительства, кроме обедов ежедневных по купечеству, а после обеда в театре, обременен к тому же спячкой. Нельзя успеть при такой жизни в делах...»¹³ После такой характеристики править Пирху в должности гражданского губернатора пришлось недолго – с декабря 1830 по май 1831 года. Возможно, только по этому случаю нельзя установить прямую зависимость между должностным мнением жандарма и увольнением губернатора, но для самих штаб-офицеров она была очевидной. Можно привести в пример мемуары полковника Э. И. Стогова, где он с нескрываемым удовольствием описывает подробности своего участия в увольнении сразу трех губернаторов в Симбирске¹⁴.

По указу 27 января 1832 г. в Казанской губернии вводилось правление военных губернаторов. С 8 февраля 1832 г. предписывалось всем жандармским штаб-офицерам регулярно к 1 июля и к 1 января каждого года доставлять ведомости о чиновниках, помещиках, купцах и других сословиях, а также «о лицах, заслуживающих внимания правительства»¹⁵. С того же 1832 г., с правления военного губернатора С. С. Стрекалова, началась новая страница в истории казанского губернаторства. За четыре года правления Стрекалова им «исподволь» были уничтожены «существующие партии» и «множество ябедников». Никому из гражданских губернаторов этой заветной цели прежде не удавалось добиться. Какими способами удалось добиться этого С. С. Стрекалову? Свидетельство – в воспоминаниях И. И. Михайлова современника тех событий: «Один из таких обличителей в Казани был чиновник Кудрявцев. Он имел порядочное состояние, был уже в отставке и писал разные жалобы на управление, в полной уверенности, что он неуязвим. Стрекалов его предупреждал: “Эй! – говорил он Кудрявцеву, – перестань ябедничать – худо будет”. В то время каждая, хотя и справедливая, жалоба считалась ябедой. Но тот не унимался. И вот, в одно утро

Стрекалов призывает Кудрявцева к себе. Тот является. – “А я, брат, тебе приятную весточку скажу”, – говорит ему Стрекалов. – “Какую, ваше превосходительство?” – заинтересовался Кудрявцев. “А тебе предстоит веселая поездка в Уфу, и как ты славно прокатаешься! Погода такая отличная. – “Зачем?” – Да чтоб тебе спокойно там было. Ты все недоволен, то не так, да это не по тебе. Там тебе уж не на что жаловаться будет. Все еще я вижу, не понял? Там ябедничать не посмеешь, там ты будешь под надзором полиции”. Пять лет пробыл Кудрявцев в Уфе и, наконец, взмолился Стрекалову. Тот, усмотрев нравственное исправление Кудрявцева, смиловался и выхлопотал ему возвращение на родину. С тех пор Кудрявцев стал шелковый; об обличении не смел и думать. Были и другие вольнодумцы: Аноров и Перов, но Перову выпала такая же доля, как и Кудрявцеву. Аноров тоже скоро замолчал. . . Ссылка под надзор полиции за произнесение правды в то время практиковалась очень часто»¹⁶. Досье на «вредоносную» личность бывшего секретаря губернского правления С. Ф. Кудрявцева стало формироваться в III Отделении уже с 1827 года¹⁷. Думается, жалобы Кудрявцева в столицу были обоснованными. Но по мнению официального Петербурга, практику доносов следовало теперь замкнуть на губернском уровне, предоставив губернаторам разрешать на местах текущие проблемы, а не игнорировать их, отсылая жалобы в вышестоящие инстанции. Теперь губернаторам предоставлялось право ссылать наиболее рьяных жалобщиков под надзор полиции. Уфа, конечно, не Сибирь, но инициатива ссылки принадлежала военному губернатору и жандармскому офицеру.

В марте 1836 г. казанский военный губернатор С. С. Стрекалов направил в III Отделение А. Х. Бенкендорфу записку о «непозволительных действиях бывшего титулярного советника Степана Филипповича Кудрявцева», в котором сей бывший чиновник губернского правления был представлен как «неоднократно находящийся под судом», интриган, скрывающийся от наказания в доме умалишенных, составитель «ябеднических бумаг»¹⁸. Рассмотрев отосланную А. Х. Бенкендорфом докладную записку губернатора, министр внутренних дел согласился, что Кудрявцев, действительно, может быть человек «вредный», но удалить его из Казани без «Высочайшей воли» МВД не может. Он предложил рассмотрение этого дела перевести в Уголовную палату Оренбургской губернии. 17 июня 1836 г. на полях дела Кудрявцева «составленной Его Величества рукой» было написано карандашом «согласен»¹⁹. Так Кудрявцев со своим семейством оказался в ссылке. Интересно, что через несколько лет шеф жандармов откликнулся на многочисленные слезные просьбы ссыльного и его детей и выступил инициатором его возвращения в Казань²⁰. Понятно, что после такого наказания С. Ф. Кудрявцев более никаких жалоб на губернатора С. С. Стрекалова в столицу не писал. А. Х. Бенкендорф подобными решениями укреплял

создаваемый им самим же образ справедливого защитника «всех притесняемых».

Имея высокую поддержку, заручившись поддержкой шефа жандармов, казанский военный губернатор принялся за оздоровление кадрового состава губернских чиновников. Судя по переписке с А. Х. Бенкендорфом, в проводимой кадровой политике С. С. Стрекалов ориентировался на рекомендации секретной полиции. Так, в жандармских донесениях часто фигурировал «по подозрениям во взятках» советник уголовного суда Н. Н. Иванов. Граф Бенкендорф имел сведения «о предосудительных действиях» этого чиновника. При забросе губернатора он подтвердил, что Иванов относится к числу «неблагонадежных чиновников», «торгующих правосудием», сумел нажить этим промыслом капитал до четырех сот тысяч²¹. Доказать вымогательство им взятки оказалось делом непростым. Данное обстоятельство подтолкнуло казанского военного губернатора к поиску неформальных путей избавления от этого чиновника. Выход виделся в переводе Н. Н. Иванова без «дальнейших неприятностей» в другую губернию. По секретному письму С. С. Стрекалова в Министерство юстиции в 1832 г. Н. Н. Иванов был перемещен в Пензу с дальнейшим наблюдением за ним со стороны политической полиции. Итак, разрешение и применение ссылки, перевод на другое место службы стали способами решения кадровых конфликтов при участии губернатора и шефа III Отделения.

О следующих двух военных губернаторах Казани в архиве III Отделения осталась скудная и весьма отрывочная информация, что можно объяснить плохой сохранностью документов. Но даже по этим малочисленным донесениям можно судить об ухудшении кадрового состояния губернских администраций в последние годы правления Николая I. Донесения жандармов 1850-х гг. дают основание утверждать, что губернаторы не были в состоянии противостоять всеобщим должностным злоупотреблениям местных чиновников. Так, в 1850 г. жандармский штаб-офицер Калугин о губернаторе И. А. Боратынском доложил: «управлением занимается равнодушно»²². Замещать казанского губернатора был послан Е. П. Толстой, бывший флигель-адъютант императора²³. Это назначение оказалось для него испытательным. Через полгода все тот же жандармский подполковник напишет о нем: «... Трудится с примерным усердием со строгой внимательностью и может быть отличным губернатором»²⁴. К его мнению в Санкт-Петербурге, по-видимому, прислушались, и он успешно управлял затем Калужской, Таганрогской и Пензенской губерниями.

Высочайшим приказом от 24 января 1858 г. исполнять обязанности казанского военного губернатора был назначен генерал-майор П. Ф. Козлянинов (1858–1863). Судя по большому количеству документов, отложившихся по жандармскому ведомству, его губернаторство не было спокойным. Это объясняется сложностями времени

подготовки отмены крепостного права, трудностями проведения реформы в самой Казанской губернии, межличностными конфликтами губернатора с представителями местного дворянства. Материалы негласного надзора, пожалуй, – единственный официальный источник, дающий представление об общественном напряжении тех лет. Губернаторы становились основными агентами правительственных реформ в регионах. Поэтому III Отделение пристально следило за официальной и приватной жизнью начальников губерний, уделяло особое внимание их взаимоотношениям с предводителями дворянства, с членами губернского комитета по выработке проекта условий отмены крепостного права, чутко реагировало на проявления любой инициативы. В жандармских донесениях, касающихся казанского военного губернатора П. Ф. Козлянинова, палитра секретных сведений предоставляет возможность реконструировать портрет этого губернатора, а зафиксированный в документах конфликт с жандармским полковником Ларионовым подводит к пониманию истинных причин отставки.

Новый начальник губернии стремился ликвидировать создавшиеся при его предшественнике коррумпированные чиновничьи спайки. Видно, что Министерство внутренних дел специально нацеливало нового губернатора на кардинальные кадровые чистки в связи с предстоящими реформами. В донесении жандармского штаб-офицера за 1859 г. весь новый состав местного правительства характеризовался как кадровая удача начальника губернии. Среди гражданских чиновников губернского правления стали преобладать выпускники Казанского университета. МВД направляло в Казань молодых, энергичных, профессионально подготовленных чиновников. Эти кадровые перестановки соответствовали духу времени, инициатива замены старых губернских бюрократов исходила сверху от правительства, она была продиктована необходимостью реализации предстоящих реформ. Губернаторы должны были на местах осуществлять кадровые замены. Так в провинциях складывался новый тип «просвещенных бюрократов».

Кадровые решения Козлянинова стали вторгаться в давнюю традицию «протектирования служебных мест» со стороны местного дворянства. Это вмешательство стало почвой для конфликтов, жалоб. В жандармском ведомстве стали накапливаться анонимные доносы на начальника Казанской губернии.

Немаловажное значение в этой ситуации стали иметь мнения жандармского штаб-офицера полковника Ларионова о личности и поступках губернатора. В августе 1861 г. он под грифом «весьма секретно» сообщал, что предводитель дворянства губернии П. Г. Осокин находится в «неприятных отношениях с Козляниновым, который в действиях своих допускает произвол и односторонними убеждениями постоянно преследует весьма несправедливо дворянство,

во всех случаях, где бы представилась только возможность, сделать что-либо неприятное»²⁵. После печальных событий в деревне Бездна Лаишевского уезда в сообщениях жандарма стали преувеличивать подробности негативного свойства²⁶. По этим свидетельствам в Петербурге решалась целесообразность дальнейшего пребывания Козлянинова в Казани, ведь о его страсти к картам, вспыльчивом характере, особенностях поведения сообщалось и ранее. Это наводит на мысль, что до отмены крепостного права на подробности приватной жизни казанского губернатора никто особого внимания не обращал.

Для Козлянинова его отставка оказалась полной неожиданностью. Повод обнаруживается в рапорте полковника Г. Ларионова, датированном началом июня 1863 года. В нем сообщалось, что «...было недавно объяснение с губернатором, который... решился отозваться, что находит жандармский корпус преступным учреждением, и ни одному жандарму ни в чем не поверит». Далее Ларионов пытался убедить губернатора в обратном, но не нашел понимания и продолжал: «Сознавая вполне много личных достоинств, нельзя не пожалеть, что все прекрасное в нем едва ли не поглощает неимоверная запальчивость характера, опрометчивость в поступках и другие неловкости, которым, не наведя преграды, не будет конца. И таким образом, они с каждым днем разрастаются. На первом плане препровождения времени на карточную азартную игру, за коей постоянно проводит ночи до утра, не разбирая в этом случае личностей, проигрывает нередко большие куши»²⁷. Упомянутая в рапорте «преграда» через два месяца обернулась увольнением губернатора.

Частный пример этого увольнения хорошо вписывается в общий фон сменяемости российских губернаторов в период «великих реформ». Пик их отрешений приходится на 1861 год. По данным М. М. Шумилова, из состоявших на службе 53 губернаторов в течение 1861–1863 гг. были уволены 42, или 79 процентов от общего числа²⁸. Относительно причин увольнений в исследовательской литературе нет единства мнений: одни увязывают это с проявлениями революционной ситуации, другие – с начавшейся реакцией в правительственных кругах²⁹.

На общем фоне пятилетнее правление казанского военного губернатора в 1858–1863 гг., скорее, – исключение, чем норма. П. Ф. Козлянинову удалось пройти рубеж отмены крепостного права в одной из самых «неспокойных» помещичьих губерний России. По утверждению калужского губернатора В. А. Арцимовича, «неподатливые губернаторы, в которых гнездился милютинский дух, теряли свои места один за другим»³⁰. И хотя казанский губернатор не относился к числу ярких носителей этого «духа», в конечном счете все же поплатился именно за это. Менялся курс реформ, поэтому его прежние заслуги перестали соответствовать духу времени.

Проведенный анализ документов III Отделения СЕИВК позволяет сделать вывод, что тотальная централизация власти при Николае I сузила круг участников диалога власти с обществом. Со второй четверти XIX в. жандармские штаб-офицеры стали для верховной власти основными поставщиками сведений о состоянии органов и «лиц» местного управления, умонастроенный губернского и уездного дворянства, а также других сословий. Контекстуализация их донесений позволяет судить о способах получения этого вида знаний и проследить его применение в политических решениях и судьбах отдельных должностных лиц.

Перевод административного надзора в III Отделение привел к тому, что в коммуникативном пространстве власти жандармские штаб-офицеры получили равный голос, наряду с ее первыми лицами. С их помощью возникающие административные конфликты стали разрешаться путем кадровых технологий: ссылка или перемещение в другие губернии. Официально провозглашалось, что губернские жандармские офицеры не должны вмешиваться в сферу деятельности исполнительных органов власти, а в реальности их влияние на управление губерниями становится очевидной и повседневной административной практикой. Приведенные сюжеты кадровых решений по Казанской губернии могут служить тому доказательством.

Исследование осуществлено в рамках программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013–2014 гг. (проект № 12-01-0123).

Примечания

- 1 См.: Полное собрание законов Российской империи : в 30 т. Собр. 2-е. СПб., 1830–1884. СПб., 1830. Т. 1. № 449.
- 2 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 1171.
- 3 Там же. Д. 1318.
- 4 Там же. Д. 1128.
- 5 Там же. Д. 1138.

УДК 94(470.44).083/084.6

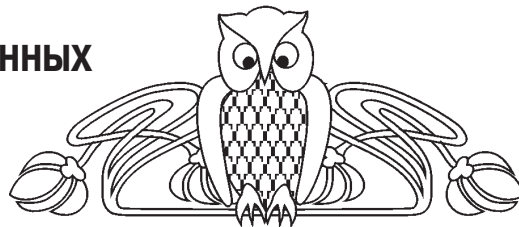
СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В. А. Чолахян

Саратовский государственный университет
E-mail: vcholakhyan@yandex.ru

В статье рассматривается социальная составляющая модернизационных процессов в Саратовском Поволжье в конце XIX – начале XX в. в рамках буржуазной и социалистической

- 6 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 1191.
- 7 Там же. Д. 1180.
- 8 См.: Бикташева А. Н. Губернатор как жертва конфронтации коронной власти, губернского дворянства и «локального» общества (первая половина XIX века) // История и историческая память / под ред. А. В. Гладышева. Саратов, 2012. Вып. 5. С. 71–84.
- 9 См.: «Россия под надзором» : отчеты III Отделения 1827–1869 : сб. документов / сост. М. Сидорова и Е. Щурбаков. М., 2006. С. 51–52.
- 10 См.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1834 г. Д. 43. Литер А. О злоупотреблениях чиновников Вятской градской полиции.
- 11 По донесению отставного прапорщика Ивана Мисаилова о злоупотреблениях в Ядринском уезде Казанской губернии см.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830 г. Д. 186.
- 12 Там же. Л. 30.
- 13 Там же. Л. 10 об.
- 14 Стогов Э. И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. М., 2003. С. 127–128, 145–146, 171–172.
- 15 О доставлении жандармским офицерам сведений, об образе жизни и мыслей чиновников и других сословий в губерниях см.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830 г. Д. 494.
- 16 Михайлов И. И. Казанская старина // Русская старина. 1899. Т. 100, № 10. С. 102–103.
- 17 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 1171. Л. 12.
- 18 Там же. 1 эксп. 1836 г. Оп. 11. Д. 81. Л. 1, 2 об.
- 19 Там же. Л. 5–6.
- 20 Там же. Л. 60.
- 21 Там же. Д. 1171. Л. 26–30.
- 22 Там же. Л. 5.
- 23 См.: Федорченко В. И. Свита российских императоров : в 2 кн. Красноярск, 2005. Кн. 2. С. 339–340.
- 24 ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1844 г. Д. 247. Ч. 16. Л. 5.
- 25 Там же. 1844 г. Д. 247. Ч. 16. Л. 61.
- 26 Там же. Л. 61–63.
- 27 Там же. Л. 71–74.
- 28 См.: Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – 80-х гг. XIX века. М., 1991. С. 87.
- 29 См.: Орловские губернаторы. Орел, 1998. С. 199.
- 30 Арцимович В. А. Воспоминания. Характеристики. СПб., 1904. С. 334.

модели развития. Анализируется социальная структура городского общества, изменение ментальности и формы поведения людей, определявшие «человеческую сторону» модернизации.

Ключевые слова: модернизация, индустриализация, урбанизация, маргинализация, социальная структура.